

УДК93/94

DOI: 10.34824/VKNPIRAN.2021.5.1.015

**ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ЧИСТОТУ ПАРТИИ В 1937-1938 гг. ПО
МАТЕРИАЛАМ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОГО ОБКОМА ВКП(Б)**

©Дендиев Казбек Гиланиевич (а), Осмаев Аббаз Догиевич (б)

(а) Фрунзенская СОШ, Российская Федерация, Наурский район; учитель истории,
dendievk@mail.ru

(б) Чеченский государственный университет, Российская Федерация, г. Грозный.
Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской
академии наук, Российская Федерация,
г. Грозный; главный научный сотрудник, osmaev@mail.ru

Аннотация. На основе проанализированных партийных документов Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) в статье реконструирован малоизученный аспект региональной истории – борьба областной партийной организации за чистоту рядов от социально-чуждых элементов. Приводятся статистические данные и стандартные формулировки обвинений, являвшиеся основанием для исключения из рядов компартии: контрреволюционный троцкизм, двурушничество, вредительство, политическая неустойчивость, контрреволюционная клевета на вождей партии и правительства, чтение и хранение книг Л.Д. Троцкого, социальная принадлежность и т.д. Прослеживается процесс дробления традиционных ценностей, составляющих духовно-нравственные основы общества. Отмечены трагические судьбы жертв политического террора, не вписывавшихся в навязанную властью новую мораль.

Ключевые слова: обком ВКП(б), «контрреволюционный троцкизм», политическая беспечность, критика и самокритика, «троцкистско-зиновьевское охвостье», «враги народа», придушение классовой бдительности.

**FROM THE HISTORY OF THE STRUGGLE FOR THE PURITY OF THE PARTY IN
1937-1938. BASED ON THE MATERIALS OF THE CHECHEN-INGUSH REGIONAL
COMMITTEE OF THE A-UCP(B)**

© Dendiev Kazbek Gilanievich (a), Osmaev Abbas Dogievich (b)

(a) Frunzensky secondary school, Russian Federation, Naursky district; history teacher,
dendievk@mail.ru

(b) Chechen State University, Russian Federation, Grozny. Kh. Ibragimov Complex Institute of
the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Grozny; Chief Researcher,
osmaev@mail.ru

Abstract. Based on the analyzed party documents of the Chechen-Ingush Regional Committee of the CPSU/b, the article reconstructs a little-studied aspect of regional history – the struggle of the Regional Party Organization for the purity of the ranks from socially alien elements. Statistical data and standard formulations of charges that were the basis for exclusion from the ranks of the Communist Party are given: counter-revolutionary Trotskyism, double-dealing, sabotage, political instability, counter-revolutionary slander against the leaders of the party and government, reading and storing books by L. D. Trotsky, social affiliation, etc. The process of fragmentation of traditional values that make up the spiritual and moral bonds of society is traced. The tragic fates of the victims of political terror, who did not fit into the new morality imposed by the authorities, are noted.

Key words: protocols, Regional Committee of the CPSU/b, counterrevolutionary Trotskyism, political carelessness, criticism and self-criticism, "Trotskyist-Zinovievian rabble", "enemies of the people", blunting of class vigilance

Необходимость избавления от наследия тоталитарной системы в процессе становления правового общества выдвигает задачу всестороннего изучения репрессивной политики 1930-х гг. Одной из перспективных и малоизученных в региональной историографии направлений является борьба областной Чечено-Ингушской партийной организации за т.н. чистоту рядов партии от «социально-чуждых элементов», что и составляет задачу данного исследования.

Чечено-Ингушская партийная организация, как региональное отделение РКП/б – ВКП(б), реализовывала в жизнь политический курс правящей партии, который определялся директивами вышестоящих руководящих партийных органов и лично И. Сталина [9, с. 100-115; 10. с. 95-100; 11, 12]. Иерархическая жесткость, единомыслие, догматическое мировоззрение и бескомпромиссная борьба за однородную партийную систему с широким привлечением административного ресурса, обеспечили партии и ее аппарату политическое долголетие в высших органах государственной власти страны.

Кульминацией процесса очищения коммунистической партии от «классово-чуждых» элементов стали 1937-1938-е гг. Стенограммы заседаний обкома партии Чечено-Ингушетии позволяют выявить однотипную терминологию политических обвинений: разложившийся; двурушник; сомнительный элемент и не оправдывающий доверия членов ВКП(б) ; скрывание перед партией принадлежности к правой оппозиции; зажим самокритики, неверие в построение социализма в одной стране и т.п. Наиболее распространенные из них связывались партийными органами с именами Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева: чтение и хранение их книг, связь с троцкистами, пропаганда троцкизма, принадлежность к троцкистской оппозиции и т.д.

Очевидно, что любые проявления недовольства в стране оперативно пресекались возбуждением очередного громкого «дела». При этом набор ярлыков был особо важен как средство борьбы с мнимой или реальной оппозицией. Например, накануне подготовки по так называемому процессу «параллельного антисоветского троцкистского центра» востребованными стали обвинения в «контрреволюционном троцкизме».

Обратимся к документу: «Слушали: Решение Бюро Сталинского РК ВКП(б) от 17 /VIII -1936 г.». Слепов И.Я., член ВКП(б) с 1932 года, рабочий, исключен из партии по

обвинению в контрреволюционном троцкизме и связи со шпионами [1, л. 8]. По близкому составу «преступлений» первичными парторганизациями выводятся из рядов партии: Хухров А.А., член ВКП(б) с 1919 года, рабочий. Обвиняется в троцкизме, в неверии построения социализма в одной стране; Хомогушкин В.В., член ВКП(б) с 1920 года, п/билет 0299254, служащий. Исключен из партии как отъявленный троцкист; Антюхов П.С., член ВКП(б) с 1919 года, как не разоружившийся троцкист и др. Все они были «изолированы органами НКВД» [1, л. 7-10, 14, 60], то есть арестованы.

Были высланы за «контрреволюционный троцкизм»: Лукьянов Г.Ф., член ВКП(б) с 1925 года; Симаков К.В., член ВКП(б) с 1932 года. Работал штатным пропагандистом при парторганизации Вагонного депо станции Грозный; Кобызев Ф. К., член ВКП(б) с 1928 года, 1909 года рождения, рабочий [1, л. 72-74, 108]. Упомянутые лица ранее партийным взысканиям не подвергались.

Мы считаем, что Чечено-Ингушский обком планомерно вытеснял из областной партийной организации наиболее здравомыслящую часть коммунистов. Данный вывод подтверждает шаблонность и голословность обвинений, не подкрепленных доказанностью вины «инакомыслящего». Важно также подчеркнуть, что и позиция обкома Чечено-Ингушетии, куда апеллировал коммунист с заявлением о восстановлении, на практике не расходилась с мнением первичной парторганизации, вынесшей решение об исключении «инакомыслящего» из рядов ВКП(б). Типичный пример - решение бюро Октябрьского РК ВКП(б) от 29/30. X.1936 г. о выведении из партии Кривошеева А.Я., члена ВКП(б) с 1929 г, рабочего. Исключен из рядов партии с формулировкой «явный последователь троцкистско-зиновьевского охвостья и двурушник». Арестован органами НКВД. Областная партийная организация 4 августа 1937 г. подтвердила решение бюро Октябрьского РК ВКП(б) от 29-30 октября 1936 г. [2, л. 58]. Пример с Кривошеевым А. свидетельствует о полной незащищенности коммунистов, которых партийные органы из политических соображений отнесли к «врагам народа».

В рассматриваемое время, наряду с обвинением в «троцкизме», тяжким преступлением в партийном сообществе против партии и народа считалось «двурушничество». «В отношении двурушника нельзя ограничиваться исключением из партии, - указывал Сталин, - его надо еще арестовать и изолировать, чтобы помешать ему подрывать мощь государства пролетарской диктатуры» [10, с. 99].

В этой связи, возможно, рассматривать экономический аспект, как одну из причин политической мотивации исключения партийцев из ВКП(б). Для проведения сталинских реформ, дальнейшего освоения отдаленных районов севера и северо-востока страны требовались колоссальные средства. Одним из способов эффективного решения важнейшей партийно-государственной задачи стало использование дешевой рабочей силы, где в новом для себя качестве нашли применения вчерашние партийцы. Возможно, что партийные организации, выносившие необоснованные решения о выводе из своих рядов коммунистов, руководствовались принципом перестраховки или карьеристскими соображениями, а скорее всего, и тем и другим.

На пути к единовластию, моноидеологии неосторожно сказанное слово, политический анекдот или чтение книг оппонентов Сталина могли стать причиной для исключения из партии, о чем свидетельствуют документы:

1. Протокол № 195 заседания ЧИОК ВКП(б) от 2-4 января 1937 г. Слушали: Решение райкома ВКП(б) Старых промыслов о Скавинском В.С., члене ВКП(б) с 1925 года, рождения 1993 г., рабочем, образования ниже-среднего. В момент исключения работал зав. детдомом №2 Старых промыслов. Обвиняется в отсутствии классовой бдительности и пользовании троцкистско-зиновьевской, контрреволюционной литературой [1, л. 3-4];

2. Протокол №219 заседания ЧИОК ВКП(б) от 28 февраля 1937 г. Слушали: Решение бюро Сталинского РК ВКП(б) от 19/I-1937 г. Морозове М.К., члене партии с 1926г., рождения 1904 г., рабочем. В момент исключения работал парторгом дистанции пути. До исключения состоял членом Чеч.Инг. Обкома ВКП(б) и Сев. Кав. Крайкома ВКП(б). Решением бюро Сталинского РК партии исключен 19/I-37 г. «за протаскивание контрреволюционных выпадов в среду партийной организации, как распространитель контрреволюционной клеветы на руководство партии» [2, л. 57].

Нами выявлены также «решения» бюро обкома партии, в которых усматриваются тенденции дробления традиционных ценностей. Так, к примеру, апелляционное заявление в обком ВКП(б) Закриева Амади Закриевича, члена партии с 1932 года, который решением Шалинского райкома партии от 16 июля 1937 г. исключен из рядов ВКП(б) с формулировкой: «за перерождение и двурушничество, выразившееся в сохранении связи со своим отцом, находящимся в заключении за контрреволюционную деятельность» [3, л. 47]. Здесь мы видим пример того, как черты, характеризующие ментальность человека, подменяются навязываемыми сверху новой властью коммунистическими представлениями о долге, совести и чести.

Со второй половины 1937 года партийно-репрессивная терминология обогащается новым универсальным понятием - «вредительство», которое было впервые оно опробовано на персонале нефтепромышленного комплекса Чечено-Ингушетии. Об эффективности нововведения можно судить по такому факту – 11 исключенных коммунистов только по одному протоколу. Среди них Радчук А.И., рабочий, год рождения 1902 г., кандидат в члены ВКП(б) с 1936 г., образование среднее, нач. вагон. участка ст. Грозный. Исключен Сталинским РК ВКП(б) 15. II. 37 г. с формулировкой «вредительство» [4, л. 94].

Особо важными «делами», в том числе и по вредительству, специально занималась Военная Коллегия Верховного Суда СССР (ВКВС). Так, из стенограмм мы можем узнать о биографических данных и предъявленных обвинениях М. Матвиенко: «член ВКП(б) с 1925 г., социальное положение – рабочий, рождения 1895 г., директор электростанции «Красная Турбина». Решением бюро Старо-Промысловского РК ВКП(б) от 7.II.1937 года Матвиенко М.М. исключен из рядов ВКП(б) за контрреволюционную, вредительскую работу, выразившуюся в зажиме самокритики, допущении в 1934 г. на электростанцию «Красная Турбина» агента японской контрразведки японца Сайто, связь с вредительскими элементами электроток. За контрреволюционную работу органами НКВД – арестован [4, л. 97-98]. Нетрудно в этом усмотреть желание работников УНКВД ЧИАССР создать в республике филиал «контрреволюционной троцкистской группы» с выходом на международный уровень. Тем более, что и повод был: в Москве в это время шла полным ходом подготовка к открытию второго процесса по делу «Параллельного антисоветского

троцкистского центра». 1 ноября 1937 г. в Грознефти органами НКВД ликвидируется «троцкистская вредительская организация» [11, с.431-432]

Осенью 1937 года обком ВКП(б) обратился с докладной Лазарю Кагановичу с предложениями по устранению последствий вредительства в нефтепромышленном комплексе Чечено-Ингушетии. В этом ценном документе сообщается, что «партийная организация совместно с органами НКВД разоблачила как врагов народа (Дырченко, Рябовола, Курбанова, Кольбуса) управляющих трестами, ряд директоров предприятий, значительную часть начальников цехов, многих инженерно-технических работников». На освобожденные места «выдвинуто около 200 человек честных, проверенных, преданных партии Ленина-Сталина рабочих стахановцев, молодых инженеров...», - констатирует документ [5, л. 81-82]. Следовательно, в нефтяной промышленности только по контрреволюционной 58 ст. УК РСФСР НКВД репрессировало около двухсот «врагов народа». И это только за 1937 г.

«Сталинские расстрельные списки» [14] позволили пополнить сведения о судьбах исключенных партийцев. Так, вышеупомянутому Матвиенко М.М., арестованному 7 декабря 1937 г., Военная коллегия Верховного Суда СССР 28 декабря выносит приговор о высшей мере наказания, приведенный в тот же день в исполнение. Вместе с ним расстреляли 31 коммуниста [13].

По официальным данным «в 1937 году райкомами было исключено 576 коммунистов, из них как врагов народа 293». Кроме того, согласно данному источнику «в обкоме на 1 января 1938 года имелось 151 дело на исключенных по первой и второй категориям...» [6, л. 111].

Следовательно, на наш взгляд, исключение в обстановке правового вакуума из рядов партии 727 партийцев является показателем глубокого экономического и политического кризиса, в котором пребывала партия.

Данный вывод подтверждает секретное решение бюро Обкома ВКП(б) от 13 ноября 1937 г. за №47 о необходимости провести до 25 ноября 1937 г. довыборы в состав четырнадцати райкомов партии (Ачхой-Мартановском, Галанчожском, Гудермесском и др.) на общих районных партийных собраниях тайным (закрытым) голосованием [5, л. 3-4].

Аналогичная картина была характерна в целом для страны. Данный аспект и проливает свет на обстоятельство появления январского решения Пленума ЦК ВКП ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков» [6, л. 110]. Во исполнение данного постановления Чечено-Ингушская партийная организация намечает ряд мер по устранению допущенных перегибов. В частности, дается указание «до 10 февраля проверить имеющиеся в Обкоме 131 дело на исключенных в Урус-Мартановском, Шалинском, Ачхой-Мартановском райкомах ВКП(б)» (п. 6), а в п. 7 «131 дело на исключенных из рядов партии по первой и второй категориям и в течении января – февраля м-цев внести на рассмотрение бюро обкома» (так в тексте –К.Д., А.О.) [6, л. 112].

Возобновилось восстановление членства в партии по апелляциям. К примеру, согласно протоколу от 19 марта 1938 г. из 16 чел., подавших апелляцию в обком, были восстановлены в членстве 12 человек, а 4 отказали по политическим мотивам [7, л. 15-36].

Среди отказников Вьюшин Николай Яковлевич, 1898 года рождения, член ВКП(б) с 1924 года, партбилет № 0296150, образца 1936 г., русский, рабочий, образование среднее. Областной комитет партии подтвердил решение об исключении Вьюшина Н.Я. с формулировкой: потеря большевистской бдительности, покровительство классово-чуждым и враждебным элементам [7, л. 21-22].

Приведенный пример свидетельствует, что восстановление в партии распространялось далеко не на всех исключенных коммунистов, а охватывало только их часть, совершивших, в основном, незначительные проступки. Это прослеживается в деле исключенного из партии «на районном партсобрании 13 декабря 1937 г.» Умарова за допущенную 12 декабря «неорганизованность на избирательном участке» [6, л. 111].

При этом упомянутое выше решение Пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии...», для региона, как в целом для страны, имело политическое значение. Так, в мае 1938 года обком партии специально заслушивает сообщение об выявленных списках подозрительных лиц на 317 чел. в Сталинском РК ВКП(б), составленных по поручению первого секретаря с целью «очистить предприятия от этого рода элементов» [8, л. 148-149]. Отметим, что по итогам партийного расследования секретарь Сталинского РК ВКП(б) Красников М.И., член ВКП(б) с ноября 1929 г., выводится из состава членов бюро обкома ВКП(б), а его кандидатура отстраняется от выдвижения в депутаты Верховного Совета ЧИАССР [8, л. 148-149].

Восстановление «революционной законности» в партии явилось тактическим шагом Сталина, и должно было, на наш взгляд, утвердить в массах веру в доброго и справедливого «отца народов». Обратимся к документу: Маров Константин Львович, рождения 1876 года, член ВКП(б) с 1932 г., пенсионер. «Решением Бюро Старо-Промысловского РК ВКП(б) от 16/Х-37г. исключен из рядов ВКП(б) за защиту своего сына троцкиста, арестованного органами НКВД, за сбор подписей среди отдельных коммунистов против обвинения сына в троцкизме, за клевету на органы НКВД» (стилистика сохранена – К.Д., А.О.) [6, л. 113]. 19 января 1938 г. областная партийная организация восстановила Марова К.Л. в партии с редкой для его обвинения формулировкой «За притупление большевистской бдительности объявить выговор с занесением в личное дело» [6, л. 114].

Анализ источников показывает, что политико-репрессивная терминология имела устойчивую тенденцию приравниваться к менявшейся политической обстановке. Ко времени завершения работы второго пленума ВКП(б) Чечено-Ингушетии (8-10 октября 1938 г.) партийно-терминологический словарь обогащается еще одним понятием - «двурушник-бандопособник». Одним из первых, кого обвинили в этом виде «преступления», был Бачаев Махмуд, член ВКП(б) с 1932 года. За контрреволюционную деятельность осужден на 8 лет, а вот в чем конкретно его вина выражается – в документе не говорится, как и во многих других [7, л. 43].

К концу 1930-х гг. Сталин сформировал послушную, безоговорочно преданную вождю, готовую выполнить любую его прихоть партийную армию «меченосцев».

История расставила все по местам. Уголовные дела по шаблонному обвинению Троцкого, Зиновьева и др. в антисоветской, шпионской, вредительской и террористической деятельности, причастности к убийству С.М. Кирова, подготовку

террористических актов против руководителей партии и государства за отсутствием состава преступлений прекращены, приговор отменен в июне 1988 г. [10, с. 78]. Тогда же были реабилитированы, исключенные по схожему составу преступных деяний и коммунисты региональных партийных организаций.

Таким образом, на основе анализа стенограмм бюро Чечено-Ингушской партийной организации нами реконструирован один из малоизученных аспектов региональной истории 1930-х гг. На основании изученных документов раскрыта роль обкома партии в проведении антинародной политики И. Сталина. Под видом борьбы за чистоту партии Ленина-Сталина Чечено-Ингушская партийная организация освободилась от «инакомыслящей» части коммунистов. Историческая справедливость восторжествовала: на XX съезде КПСС осужденные по ст. 58 УК РСФСР восстановлены за отсутствием состава преступлений со снятием всех обвинений, но полностью они были реабилитированы в конце 1980-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп. 1, д. 497.
2. АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп. 1, д. 498.
3. АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп. 1, д. 500.
4. АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп. 1, д. 499.
5. АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп. 1, д. 502.
6. АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп. 1, д. 503.
7. АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп. 1, д. 505.
8. АУП ЧР. Ф. Р-1212, оп. 1, д. 507.
9. Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». 29 июля 1936 г. Известия ЦК КПСС. М.: Издание ЦК КПСС, 1989. № 8. С.100-115.
10. Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «Уроки событий, связанных злодейским убийством тов. Кирова». 18 января 1935 г. Известия ЦК КПСС. М.: Издание ЦК КПСС, 1989. № 8. С. 95-100.
11. Спецсообщение Н.И. Ежова И.В.Сталину с приложением копии телеграммы Н.И. Иванова о «вредительской» организации // Лубянка. Сталин и ГУГБ НКВД. 1937-1938. С. 431-432.
12. Сталин И.В. Заключительное слово т. Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта // Грозненский рабочий. 1937. 1 апреля.
13. Сталин И. О недостатках партийной работы о мерах ликвидации троцкистских и иных двурушниках // Грозненский рабочий. 1937. 29 марта.
14. Сталинские расстрельные списки. Международное общество «Мемориал». Издательство «Звенья», М.: 2013.

REFERENCES

1. AUP CHR. F. R-1212, op. 1, d. 497.
2. AUP CHR. F. R-1212, op. 1, d. 498.
3. AUP CHR. F. R-1212, op. 1, d. 500.

4. AUP CHR. F. R-1212, op. 1, d. 499.
5. AUP CHR. F. R-1212, op. 1, d. 502.
6. AUP CHR. F. R-1212, op. 1, f. 503.
7. AUP CHR. F. R-1212, op. 1, d. 505.
8. AUP CHR. F. R-1212, op. 1, d. 507.
9. Closed letter of the Central Committee of the CPSU (b) "On the terrorist activities of the Trotskyist-Zinoviev counter-revolutionary bloc". July 29, 1936. Izvestiya Central Committee of the CPSU. M.: Edition of the Central Committee of the CPSU, 1989. No. 8. Pp. 100-115.
10. Closed letter of the Central Committee of the CPSU / b/ " Lessons of events related to the villainous murder of Comrade. Kirova". January 18, 1935. Izvestiya TSK CPSU. M.: Izdanie TSK CPSU, 1989. № 8. Pp. 95-100.
11. Spetssoobschenie N. I. Ezhov I. V. Stalin with the attachment of a copy of the telegram of N. I. Ivanov about the "wrecking" organization // Lubyanka. Stalin and the GUGB of the NKVD. 1937-1938. Pp. 431-432.
12. Stalin I. V. The final word vol. Stalin at the Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) on March 5 // Grozny worker. 1937. April 1.
13. Stalin I. On the shortcomings of the Party work on measures to eliminate Trotskyist and other double-dealers // Grozny Worker. 1937. March 29.
14. Stalin's execution lists. Memorial International Society. Publishing house "Links", Moscow 2013.